

ПРОФЕССОРЪ

Евгеній Евсигнѣвичъ Голубинскій.

Въ ночь съ 7 на 8 января скончался одинъ изъ питомцевъ Московской Духовной Академіи, составляющихъ славу ея, заслуженный ординарный профессоръ Евгеній Евсигнѣвичъ Голубинскій.

Покойный Е. Е. былъ уроженецъ Костромской епархіи, изъ которой происходилъ и другой знаменитый церковный историкъ Московской Духовной Академіи, учитель Е. Е., протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій. Родитель Е. Е. былъ священникъ села Матвѣва, Кологривскаго уѣзда. Фамилія „Голубинскій“ вмѣсто фамиліи „Песковъ“ дана была Е. Е. его родителемъ въ честь его знаменитаго земляка профессора Московской Духовной Академіи протоіерея Теодора Александровича Голубинскаго при опредѣленіи въ Солигаличское духовное училище. Изъ Солигаличскаго духовнаго училища Е. Е. поступилъ для продолженія образованія въ Костромскую духовную семинарію, а завершилъ его въ Московской Духовной Академіи.

По окончаніи курса въ Академіи въ 1858 году Е. Е. былъ назначенъ преподавателемъ словесности и соединенныхъ съ нею предметовъ въ Виѣнскую духовную семинарію, а чрезъ два съ половиною года, именно въ январѣ 1861 года, удостоенный степени магистра богословія, переведенъ бакалавромъ исторіи русской церкви въ родную Академію.

Исторія русской церкви въ Московской Духовной Академіи долгое время соединялась съ обще-церковной исторіей и напримѣръ А. В. Горскій преподавалъ и библейскую исторію и церковную исторію и исторію русской церкви. Но за нѣсколько лѣтъ до поступленія Е. Е. бакалавромъ, она соста-

Прозрачно
и чуждым людям
1902

Ляля ждало чужды
дети. Как и история изучена и
лучше, а со своей стороны
Рем борется не только
история расмешает.

Е. Тору Баскин

вила предметъ особой кафедры. Е. Е. приходилось устроить эту кафедру, возводить, такъ сказать, новое зданіе.

Но историческій талантъ его и трудолюбіе сдѣлали свое дѣло. И вотъ онъ, не имѣя внушительной вѣщности, не отличаясь отчетливой дикціей, не обладая даромъ оратора, уже въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ имѣлъ твердо установленную репутацію независимаго и вообще незауряднаго профессора. Студенты посѣщали его лекціи, какъ и лекціи большинства профессоровъ, мало, но уважали его за смѣлый критическій анализъ историческихъ документовъ и независимость ¹⁾.

Читая лекціи студентамъ, Е. Е. дѣятельно занимался обработкою своихъ историческихъ изысканій для печати. Первымъ его научнымъ трудомъ (если не считать магистерскую диссертацию „Объ образѣ дѣйствования православныхъ государей греко-римскихъ въ IV, V и VI вѣкахъ въ пользу Церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ“, напечатанную въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцевъ за 1859 годъ), было изслѣдованіе о славянскихъ первоучителяхъ подъ заглавіемъ „Константинъ и Меѳодій апостолы Славянъ“. Трудъ этотъ Е. Е. былъ представленъ въ Академію Наукъ на премію и въ 1868 году удостоенъ полной Уваровской преміи. Къ истинному сожалѣнію друзей науки, изслѣдованіе Е. Е. о славянскихъ первоучителяхъ, несмотря на выдающіяся достоинства онаго, не было напечатано ²⁾.

Вторымъ ученымъ трудомъ Е. Е. было сочиненіе подъ заглавіемъ „Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской или молдо-валашской“ (напеч. въ Москвѣ въ 1871 году) ³⁾. Кромѣ того, напечатаны

¹⁾ Въ шестидесятыхъ годахъ студентамъ уже было извѣстно, что Е. Е. отвергаетъ легенду о посѣщеніи Апостоломъ Андреемъ Кіева и Новгорода, равно какъ повѣсть о крещеніи Владиміра; извѣстно было также, что онъ не Михаила признаетъ первымъ русскимъ митрополитомъ.

²⁾ Много лѣтъ спустя послѣ того, какъ изслѣдованіе о славянскихъ первоучителяхъ удостоено было Уваровской преміи, я спросилъ Е. Е., почему онъ не издастъ его. Е. Е. отвѣтилъ мнѣ: „нужно употребить полгода времени на переработку этого изслѣдованія соотвѣтственно появившимся вновь ученымъ работамъ по этому предмету“.

³⁾ Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ своей службы въ Академіи въ

были Е. Е. двѣ статьи: „Очеркъ исторіи просвѣщенія у грековъ со времени взятія Константинополя Турками до настоящаго столѣтія“ (Прав. Обзор. 1872. т. 1 и 2) и „Исторія алтарной преграды или иконостаса въ православныхъ церквахъ“ (чит. на второмъ археологическомъ съѣздѣ въ С.-Петербургѣ и напеч. въ Прав. Обзор. 1872. Т. 2).

Въ концѣ мая 1872 года Е. Е. отправился въ ученое путешествіе въ Грецію и славянскія православныя земли „для ближайшаго ознакомленія съ внутреннимъ бытомъ современной и памятниками исторической церковной жизни православныхъ народовъ“. Путешествіе это продолжалось полтора года. Какъ видно изъ отчета о путешествіи, который представленъ былъ имъ въ началѣ 1874 года въ Совѣтъ Академіи, Е. Е. провель около четырехъ мѣсяцевъ въ Вѣнѣ, считая и поѣздки въ Галицію, затѣмъ около четырехъ мѣсяцевъ въ Бѣлградѣ, считая и поѣздки по сербскому княжеству, затѣмъ полгода въ Константинополѣ, изъ котораго совершилъ на Пасху 1873 года поѣздки въ Иерусалимъ, послѣ чего посѣтилъ Аѳонъ, Аѳины, Римъ и нѣкоторые другіе италіянскіе города съ ихъ многочисленными и разнообразными памятниками церковной древности. Во всѣхъ городахъ, или мѣстностяхъ, въ которыхъ былъ, онъ наблюдалъ и самъ лично церковную жизнь православныхъ народовъ и расширялъ о ней другіхъ, заслуживающихъ довѣрія, лицъ, занимался въ бібліотекахъ, читалъ рукописи и наиболѣе рѣдкія печатныя изданія, изучалъ памятники церковной археологій¹⁾.

Вернувшись въ концѣ 1873 года въ Сергіевскіи Посадъ, Е. Е. съ прежнею энергіею принялся за ученыя занятія, примѣняя къ дѣлу тѣ обширныя знанія, которыя пріобрѣлъ

профессорской комнать Е. Е. вступилъ въ ученый споръ по какому то вопросу изъ исторіи румынской церкви съ однимъ изъ членовъ академической корпораціи, занимавшимся исторіею этой церкви. Въ спорѣ онъ ясно показалъ, что исторія румынской церкви отнюдь не была имъ забыта и въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Память у него была замѣчательная.

1) Отчетъ напечатанъ въ протоколахъ Совѣта М. Д. Академіи за 1874 г.

во время путешествія. Прошло шесть лѣтъ и оцъ, помню исполненія другихъ, менѣе крупныхъ, ученыхъ работъ ¹⁾, приготовить къ печати первый томъ своего главнаго труда — „Исторіи русской церкви“. Для изданія этого труда, требовавнаго очень значительныхъ издержекъ, ему даны были заимообразно средства изъ суммъ Перервинскаго монастыря тогдашнимъ Митрополитомъ Московскимъ Макаріемъ, вообще покровительствовавшимъ Е. Е., хотя послѣдній во многихъ церковно-историческихъ вопросахъ расходился съ нимъ въ мнѣніяхъ. Первая половина 1 тома Исторіи (XXIII+790 стр.) напечатана въ 1880 году, вторая половина (790+X стр.) — въ 1881.

„Исторію русской церкви“ встрѣтили въ высшей степени благопріятно въ ученомъ мірѣ; она была, можно сказать, своего рода событіемъ. Это и понятно въ виду выдающихся достоинствъ труда. Покойный профессоръ Кіевской Духовной Академіи И. И. Малышевскій въ обширномъ (заключающемъ почти 170 печатныхъ страницъ) отзывѣ объ „Исторіи русской церкви“ Е. Е., написанномъ по порученію Академіи Наукъ ²⁾, разобравъ подробно по главамъ и отдѣламъ этотъ трудъ, въ заключеніи говоритъ, что „Исторія русской церкви“ должна быть, по всей справедливости, „поставлена въ ряду самыхъ капитальныхъ и самыхъ уважаемыхъ трудовъ въ области русской исторіографіи“. Въ частности говоритъ, что это — трудъ въ высшей степени усердный и добросовѣстный, трудъ въ подлинномъ смыслѣ ученый; что этотъ трудъ есть плодъ обширнаго и глубокаго знанія, основаннаго на самомъ тщательномъ и добросовѣстномъ изученіи разнообразныхъ матеріаловъ, не только русскихъ, но и греческихъ, славянскихъ, латинскихъ, равно на обстоятельномъ изученіи

¹⁾ Такъ въ Журн. Мин. Н. Пр. 1876, ч. 187 напечатана статья „Христіанство въ Россіи до Владиміра Святаго“; въ томъ же журналѣ, 1877, ч. 190 напечатана статья „Обращеніе всей Руси въ христіанство Владиміромъ и совершенное утвержденіе въ ней христіанской вѣры при его преминкахъ“. — Статьи эти были своего рода эскизы, какъ выражаются, говоря о произведеніяхъ живописи, были подготовительныя обработки нѣкоторыхъ отдѣловъ „Исторіи русской церкви“.

²⁾ Напечатанъ въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ, т. 41.

многочисленныхъ сочиненій и изданій западно-европейскихъ ученыхъ; что въ этомъ трудѣ съ богатымъ запасомъ учености соединяется сила критики, а отсюда происходятъ самостоятельность изслѣдованія и оригинальность во взглядахъ, мнѣнїяхъ и сужденїяхъ, составляющія отличительныя черты и достоинства труда, отличающагося, притомъ, особенною полнотою въ подробностяхъ изслѣдованія и отчетливостію въ изображеніи отдѣльныхъ и видовыхъ чертъ предмета.

Первая половина 1 тома „Исторіи русской церкви“ представлена была Е. Е. въ 1880 году въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи на соисканіе степени доктора богословія. Онъ былъ шестой или седьмой изъ искавшихъ степени доктора богословія въ означенной Академіи по академическому уставу 1869 года. Но имъ представлена была въ качествѣ диссертациі на степень доктора не монографія, какъ представляли его предшественники, но сочиненіе, такъ сказать общаго содержанія, но такое, въ которомъ можно выдѣлить нѣсколько отдѣльныхъ монографій: въ этомъ была особенность Е. Е.

Докторскіи диспутъ Е. Е. состоялся 16 декабря 1880 года. Предъ самую защиту докторантомъ произнесена была рѣчь, которая является какъ бы *profession de foi* его ¹⁾. Въ ней онъ высказываетъ свой взглядъ на задачу историка и оправдывается отъ обвиненій въ отрицаніи нѣкоторыхъ фактовъ, сообщаемыхъ лѣтописями. „При моемъ изученіи русской церковной исторіи—говорилъ онъ—я поставилъ своею парочитою задачею критическое отношеніе къ ея матеріалу. Критика привела меня между прочимъ къ тому, что я отрицаю достовѣрность повѣсти о крещеніи св. Владиміра, помѣщенной въ лѣтописи, и признаю ее за позднѣйшую легенду.

По поводу этого, такъ сказать, крупнаго отрицанія считаю нужнымъ, во-первыхъ, замѣтить, что вовсе несправедливо обвинять меня, будто я первый дерзнулъ поднять свою руку на повѣсть. Задолго прежде меня это сдѣлалъ покойный Сергѣй Михаиловичъ Соловьевъ, который видитъ въ

¹⁾ Рѣчь эта напечатана въ качествѣ послѣсловія въ концѣ второй половины I тома „Исторіи русской церкви“.

повѣсти не болѣе, какъ воспроизведеніе позднѣйшихъ преданій и легендъ и который не принимаетъ какъ прихода къ Владиміру пословъ съ предложеніемъ вѣръ, такъ и посланія имъ своихъ пословъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ. Различіе между мною и Сергѣемъ Михаиловичемъ въ отношеніи именно къ невѣрію въ повѣсть только то, что онъ высказываетъ его сравнительно кратко, а я сравнительно пространно: но это различіе объясняется тѣмъ, что онъ—историкъ гражданскій, а я—церковный". Отстраняя другое обвиненіе, именно будто онъ снимаетъ съ св. Владиміра тотъ вѣнецъ славы, которымъ онъ украшается, будто низводитъ его съ того высокаго пьедестала, на которомъ онъ стоитъ и будто отнимаетъ у него титуло равноапостольнаго, Е. Е. въ той же рѣчи говоритъ: „Св. Владиміръ украшается вѣнцемъ славы, стоитъ на своемъ высокомъ пьедесталѣ и получилъ отъ церкви титуло равноапостольнаго потому, что онъ крестилъ Русь: но развѣ я, отрицая достовѣрность повѣсти объ его крещеніи, отрицаю фактъ крещенія имъ Руси? Владиміръ, утверждаетъ повѣсть, потому принялъ вѣру Грековъ, что убѣдился въ ея истинности; но развѣ я не утверждаю того же самого и говорю что либудъ иное?“

Пока дѣйствовалъ Уставъ Академіи 1869 года, было принято (по крайней мѣрѣ, въ Московскои Духовнои Академіи), чтобы ищущіе ученыхъ степеней магистра и доктора представляли къ диспуту „тезисы“ или перечень тѣхъ главныхъ мыслей, которыя они проводили въ своихъ сочиненіяхъ и считаютъ правильными. И Е. Е. представилъ къ своему диспуту цѣлыхъ 17 тезисовъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: Тезисъ 4. Повѣсть о крещеніи Владиміра, помѣщенная въ лѣтописи и представляющая дѣло такимъ образомъ, что къ великому князю кіевскому приходили послы отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ вѣръ, — что князь посылалъ своихъ пословъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ и что потомъ онъ крестился въ завоеваннои имъ Корсуни, должна быть признаваема за позднѣйшую легенду... Тезисъ 6. Относительно того, насколько Владиміръ успѣлъ водворить христіанство на Руси, нужно думать, что онъ крестилъ всю Русь собственно русскую (состоящую изъ природныхъ сла-

вяно-русовъ) и оставилъ некрещенною Русь инородческую. Тезисъ 9. Первымъ митрополитомъ русскимъ былъ не Михалъ, а Леонъ или Левъ, прибывшій на Русь съ епископами на третій годъ послѣ взятія Владиміромъ Корсуни. Тезисъ 17. Несмотря на отсутствіе образованія, у насъ была въ періодъ домонгольскій своя письменность,—письменность ненаучная (преднаучная), преимущественно повѣствовательная и нравоучительная.

Официальные оппоненты—Н. И. Субботинъ и В. О. Ключевскій дѣлали возраженія, не относящіяся прямо къ тезисамъ. Такъ Н. И. Субботинъ указывалъ, между прочимъ, что Исторія русской церкви Е. Е. не есть настоящая исторія, такъ какъ въ этомъ трудѣ болѣе работаетъ молотъ, чѣмъ слагается зданіе, съ чѣмъ согласился и диспутантъ... А В. О. Ключевскій долго оспаривалъ мнѣніе Е. Е., что первоначальная кievская лѣтопись сначала и до 1110 года принадлежала одному автору¹⁾.

По окончаніи диспута Совѣтъ Академіи единогласно призналъ защиту удовлетворительною и постановилъ ходатайствовать о присужденіи Е. Е. степени доктора богословія. Но ходатайство Совѣта долго не было удовлетворено и только въ іюнь 1881 года, благодаря настойчивымъ представленіямъ митрополита Макарія, Е. Е. былъ удостоенъ Св. Синодомъ степени доктора богословія.

Вскорѣ послѣ этого, 14 іюня 1882 года Е. Е. получили званіе ординарнаго профессора, 29 декабря того же года былъ избранъ Членомъ - корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, 17 января 1886 года удостоенъ званія заслуженнаго ординарнаго профессора.

Но не почилъ на лаврахъ труженникъ науки. Дѣятельность его была и по полученіи докторской степени такая же напряженная и плодотворная, какъ райѣ сего. Кромѣ приговора къ печати втораго тома „Исторіи русской церкви“

¹⁾ Желающіе имѣть подробнѣе свѣдѣнія о диспутѣ могутъ обратиться къ описанію его, напечатанному въ Прав. Обзор., 1881, т. I. Ср. Чт. въ Общ. Люб. дух. просвѣщенія, 1880, декабрь.

и трехъ актовыхъ рѣчей ¹⁾, Е. Е. напечатаны три слѣдующія сочиненія:

1) Монографія „Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра“. Монографія эта была написана вѣдѣствіе желанія тогдашняго Митрополита Леонтія, чтобы Академіей къ пятисоотлѣтію кончины Преп. Сергія было составлено сочиненіе о Преподобномъ, и издана Московскою Духовною Академіею на средства Митрополита Леонтія.

2) Рядъ статей въ Богосл. Вѣстникъ (1892, январь—апрѣль) подъ заглавіемъ „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“.

3) Изслѣдованіе „Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви“ (Богосл. Вѣстн. 1894, іюнь—сентябрь).

Въ 1895 г. Е. Е. вышелъ въ отставку. Прекративъ чтеніе лекцій въ Академіи, онъ не прекратилъ научной дѣятельности. Въ теченіи осьми лѣтъ, послѣдовавшихъ за отставкой, онъ, при содѣйствіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, которое открыло ему страницы своихъ „Чтеній“, издалъ первую половину II тома „Исторіи русской церкви“ (въ 1900 г.), напечаталъ вторымъ изданіемъ, исправивъ и дополнивъ, первую половину I тома (въ 1901 году) и вторую половину I тома (въ 1904 году) и переиздалъ въ совершенно переработанномъ видѣ „Исторію канонизаціи святыхъ въ русской церкви“ (въ 1903 г.).

Уже много лѣтъ состоя членомъ многихъ ученыхъ обществъ, именно: Дѣйствительнымъ Членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Почетнымъ Членомъ Кіевского Общества Нестора Лѣтописца, Почетнымъ Членомъ

1) Изъ нихъ одна „О такъ называемой Іоакимовской лѣтописи Татищева“ была произнесена на годичномъ актѣ Московской Духовной Академіи 1 октября 1881 года и напечатана въ Приб. къ Твор. Св. Отцовъ, 1881, кн. 28; другая „Святые Константинъ и Меодій, первоучители славянскіе“ была произнесена въ торжественномъ собраніи Московской Духовной Академіи 6 апрѣля 1885 года и напечатана въ Приб. къ Твор. Св. Отцовъ, 1885, кн. 36, а третья „О значеніи Преподобнаго Сергія Радонежскаго въ исторіи нашего монашества“, произнесена была въ торжественномъ собраніи Московской Духовной Академіи 26 сент. 1892 года и напечатана въ ноябрьской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ за 1892 г.

Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей, Харьковскаго Университета, Болгарскаго Книжнаго Дружества въ Софін, Е. Е. въ 1904 году былъ избранъ ординарнымъ академикомъ Академіи Наукъ. До Е. Е. никто изъ профессоровъ Московской Духовной Академіи не получалъ этого высокопочетнаго званія.

Семидесятилѣтнему старцу-ученому было утѣшительно признаніе его ученыхъ заслугъ со стороны высшаго ученаго учрежденія Россійской Имперіи. Но начавшееся ослабленіе силъ воспрепятствовало ему работать въ Академіи Наукъ въ той мѣрѣ, въ какой было желательно и въ какой, можетъ быть, надѣялась Академія Наукъ. Согласно Уставу Академіи Наукъ, требующему отъ ординарныхъ профессоровъ личнаго участія въ занятіяхъ ея членовъ, Е. Е. зиму 1904—1905 года пробылъ въ Петербургѣ, при чемъ напечатать въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ (1904 г. т. IX, кн. 2) статью о святыхъ благовѣрныхъ князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Но, сколько мнѣ извѣстно, почти не выступалъ съ учеными докладами и не исполнялъ особыхъ ученыхъ порученій Академіи.

Когда Высочайше учреждено было Особое Присутствіе для разработкн вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на русскомъ Помѣстномъ Церковномъ Соборѣ, Е. Е., какъ знатокъ обще-церковной и въ особенности русской церковной исторіи, равно какъ древняго устройства и законодательства Церкви, былъ назначенъ членомъ сего Присутствія. Не имѣя возможности, по слабости силъ, быть дѣятельнымъ работникомъ въ семъ Присутствіи, принимая участіе лишь въ весьма немногихъ его засѣданіяхъ, онъ въ воззнаніи своего долга, какъ члена означеннаго выше Присутствія, напечатать книжку „Къ вопросу о церковной реформѣ“ (М. 1906), въ которой и изложилъ свои мысли и свои *ria desideria* относительно церковной реформы въ Россіи.

Въ этой книжкѣ Е. Е. говорить и о реформѣ церковнаго управленія, и о реформѣ приходскаго духовенства и приходовъ, и о реформѣ богослуженія, и вообще средствъ христіанскаго вѣро-и-правоученія и о реформѣ монашества.

По вопросу о реформѣ управления Е. Е. высказываетъ слѣдующія мысли. Высшимъ законодательнымъ органомъ Русской Православной Церкви долженъ быть Помѣстный Соборъ Русской Церкви, состоящейся или въ неопредѣленные сроки или въ опредѣленные сроки чрезъ назначенныя промежутки времени. Высшимъ административно-судебнымъ органомъ Русской Церкви имѣть быть Св. Синодъ, первенствующему Члену котораго усвоится титулъ Россійскаго Патріарха; но патріарху не имѣть быть дано никакихъ единоличныхъ правъ; онъ остается съ тѣми правами, какія имѣть теперь, какъ первенствующій Членъ Синода. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, какъ представитель государственной власти, лишь наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы Синодъ и всѣ органы церковнаго управления исполняли свои обязанности, какъ слѣдуетъ. Въ Русской Церкви должно быть древнее областное митрополіальное управление съ умноженіемъ числа епископій.

Относительно приходского духовенства и приходовъ высказываются такія мысли. Чтобы не оказалось недостатка въ желающихъ идти во священники, нужно принимать въ училища и семинаріи дѣтей изъ всѣхъ безъ исключенія сословій, а въ спеціальныя богословскія отдѣленія принимать не только изъ семинарій, но желающихъ и изъ гимназій и другихъ средне-учебныхъ заведеній. Назначеніе во священники должно быть совершаемо архіереями, но не единолично, а съ коллегіею пресвитеровъ. Въ приходяхъ обязательно должны быть учреждены попечительства или совѣты изъ прихожанъ, обязанностію которыхъ должно быть: заботы о благолѣпіи храмовъ, о приходскихъ бібліотекахъ и училищахъ, о призрѣніи нищихъ и т. д.

Относительно богослуженія и средствъ христіанскаго вѣро-и-правоученія заявляется, что необходимо устранить непорядки въ совершеніи богослуженія со стороны въ особенности низшаго клира. Долженъ быть изданъ русскій переводъ Новаго Завѣта съ обстоятельнымъ введеніемъ и непрерывными примѣчаніями, составленъ для простаго народа общепонятный катихизисъ.

Относительно монашества настаивается, что во всѣхъ безъ

исключенія монастыряхъ должно быть введено общежитіе, число монастырей сокращено, излишки денегъ, имѣющіе остаться въ монастыряхъ, употребляемы на благотворенія и т. д.

Свою книжку Е. Е. заканчиваетъ слѣдующими словами: „Я желалъ и мечталъ было написать по вопросу о церковной реформѣ возможно обстоятельную статью, но, къ сожалѣнію, теперешнее состояніе моего здоровья не позволило мнѣ исполнить желаніе и осуществить мечту“.

Уже въ концѣ 1906 года Е. Е. сталъ чувствовать крайнее ослабленіе зрѣнія, а въ 1907 году совсѣмъ ослѣпъ. Потеря зрѣнія отняла у него возможность ученаго творчества и издательства. Къ счастью, нашлись добрые люди, которые приняли на себя заботу издательства его произведеній. Въ числѣ ихъ, прежде всего, должно назвать С. А. Бѣлокурова, казначея Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, котораго самъ покойный Е. Е. называетъ своимъ „истиннымъ добрымъ гениемъ по изданію сочиненій“. Стараніями этихъ добрыхъ людей въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей“ переиздано, съ исправленіями и дополненіями, сочиненіе „Къ нашей полемикѣ со старообрядцами“ (М. 1905 г.), издавъ „Археологическій атласъ ко второй половинѣ I тома Исторіи русской церкви“ (М. 1906 г.), переиздана, въ совершенно переработанномъ видѣ, монографія „Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра“ (М. 1909 г.), печатается вторая половина II тома „Исторіи русской церкви“.

Всегда благородный и ненадкій на деньги (хотя весьма экономный и бережливый), Е. Е., потерявъ зрѣніе и, вмѣстѣ, возможность работать какъ членъ Академіи Наукъ, отъ которой получалъ значительный окладъ, отнесся въ Академію съ просьбой, чтобы его освободили отъ членства и лишили оклада. Академія отвѣтила, что званіе ординарнаго профессора пожизненное. Тогда Е. Е. просилъ, чтобы его оставили сверхштатнымъ профессоромъ съ окладомъ въ 1.200 р. въ годъ. Эта просьба была удовлетворена.

Въ послѣдніе годы жизни Е. Е., осужденный на бездѣятельность, диктовалъ С. Н. Смирнову, своему родственнику и преемнику по кафедрѣ исторіи русской церкви въ Москов-

ской Духовной Академіи, свои „Воспоминанія“. Есть надежда, что „Воспоминанія“ въ свое время будутъ напечатаны.

За нѣсколько недѣль до кончины Е. Е. былъ постигнутъ ударомъ, представлявшимъ, повидимому, результатъ ослабленія силъ вообще, въ особенности, ослабленія дѣятельности сердца, который и свелъ его въ могилу. Но до послѣднихъ часовъ своей жизни онъ не потерялъ сознанія, разговаривалъ съ окружающими его родственниками и друзьями, дѣлалъ послѣднія распоряженія.

О характерѣ Е. Е., какъ историка, объ его научныхъ пріемахъ и объ его значеніи въ русской церковно-исторической наукѣ С. Н. Смирновъ, преемникъ Е. Е. по кафедрѣ въ Московской Духовной Академіи, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, его „Исторію русской церкви“, говоритъ: „Какъ историкъ русской церкви, Е. Е. является естественнымъ преемникомъ и продолжателемъ митрополита Макарія. Двѣнадцатитомная исторія этого іерарха представляетъ прекрасный сборникъ церковно-историческаго матеріала, систематически подобранаго и живо изложеннаго. Но этотъ трудъ не свободенъ отъ двухъ недостатковъ: отъ недостатка критики въ пользованіи матеріаломъ, что сознавалъ и самъ авторъ, когда восклицалъ: „критики, побольше критики—вотъ чего надобно желать намъ въ исторіи нашей литературы“ (V т., 408 стр.) т. е. въ исторіи духовной литературы, служащей матеріаломъ для исторіи русской церкви.—Далѣе, исторія Макарія не описываетъ народной жизни: останавливаясь на исторіи церковнаго правительства, авторъ не выясняетъ жизни вѣрующей массы и свой рассказъ дробитъ искусственно по рубрикамъ, привнесеннымъ отъиъ. На преемникъ митрополита Макарія лежало двѣ задачи—дать критическую исторію русской церкви и притомъ исторію не только официально-церковную, но и народно-религіозную. Е. Е. выполнилъ блестяще первую задачу и подготовилъ исполненіе второй: онъ историкъ критикъ и отчасти скептикъ. Вооруженный молотомъ критики, онъ пересмотрѣлъ и перетрогалъ все зданіе своей науки и немало камней, даже лежащихъ

въ его фундаментъ, разбилъ своимъ безопаднымъ молотомъ; онъ опровергаетъ лѣтописное преданіе о путешествіи апостола Андрея по берегамъ Днѣпра и Волхова, повѣствуетъ лѣтописи объ обращеніи и крещеніи св. Владимира, разбиваетъ теорію Карамзина о высокой степени просвѣщенія въ до-монгольской Руси. Критицизмъ ученаго переходитъ въ скептицизмъ, когда онъ касается опѣнки источниковъ своей науки. По его мнѣнію, для историка нѣтъ никакихъ средствъ возстановить нашу прошлую церковную жизнь „во всей жизненной живости и во всей своей цѣлостной полнотѣ“. Очень низкаго мнѣнія онъ о лѣтописяхъ, въ которыхъ исторія церкви не пишется вовсе, а вмѣсто нея содержатся неполные каталоги митрополитовъ, епископовъ и каменныхъ церквей, — о житіяхъ святыхъ, не рисующихъ исторической обстановки, наполненныхъ общими мѣстами и риторическими фразами, — о памятникѣхъ церковнаго законодательства, провѣрить историческое значеніе которыхъ нѣтъ средствъ у историка. Ученый жалуется на отсутствіе у насъ отличительной проповѣди, сатиры (исключеніе—Максимъ Грекъ), на недостатокъ ярко очерченныхъ историческихъ дѣятелей (исключеніе, по его мнѣнію, одно—патр. Никонъ). Низкое качество матеріаловъ по русской церковной исторіи онъ объясняетъ нашей неспособностью, тѣмъ, что „въ своемъ прошломъ мы представляли изъ себя историческій народъ весьма невысокаго достоинства“. Отсюда трудъ историка русской церкви тяжелъ и неблагодаренъ: это трудъ тряпичника, обязаннаго по десятку разъ тщательно перерывать всякій хламъ, чтобы подобрать все до лоскутка и все употребить на пользу. И кропотливый тряпичникъ получаетъ въ награду за трудъ чувство неудовлетворенности и недовольства. Таковъ взглядъ Е. Е. на свою науку и на то дѣло, которому онъ отдалъ свои силы. Но значеніе Е. Е. для исторіи русской церкви не ограничивается его критической разрушительной работой. Его труды приводятъ и къ положительнымъ результатамъ. Критическая обработка источниковъ и сама по себѣ содѣйствуетъ выясненію исторической истины, потому что, сортируя данныя и выбрасывая часть ихъ за негодностью, критика упрочиваетъ положеніе оставшихся,

очищает поле зрѣнія отъ загоразживающихъ истину показаній, а анализъ фактовъ содѣйствуетъ накопленію фактовъ. Теперь получается возможность твердыхъ научныхъ построеній въ исторіи русской церкви, и Е. Е. съдѣлалъ ихъ въ большомъ количествѣ, не создавъ, впрочемъ, общей схемы хода древне-русской церковной жизни, чему можетъ быть не пришло и время. Слѣдуетъ еще отмѣтить одну особенность въ научныхъ пріемахъ историка, широко примененную имъ впервые въ своей наукѣ и оказавшую въ высшей степени плодотворные результаты. Исторію русской церкви онъ изучаетъ сравнительнымъ методомъ, сопоставляя съ особенностями церковной жизни Византіи, и многое въ прошлой жизни нашей церкви, бывшей долго митрополіею константинопольскаго патріархата, объясняетъ порядками жизни греческой церкви: не даромъ Е. Е. такъ основательно изучилъ церковную жизнь православнаго востока въ прошедшемъ и настоящемъ. Этимъ методомъ Е. Е. воспользовался, вѣроятно, руководясь примѣромъ А. В. Горскаго, примѣнявшаго его въ своихъ ученыхъ работахъ. Благодаря ему, онъ положительно создаетъ напр. исторію церковнаго управленія въ кievскій періодъ, ощущение нашими лѣтописцами, и раскрываетъ много темныхъ сторонъ въ исторіи древне-русскаго монашества. Много загадочныхъ фактовъ выяснено, свидѣтельство истолковано; огромныя книги его исторіи наполнены подобными мелкими открытіями и представляютъ неисчерпаемый матеріалъ для послѣдующихъ работниковъ. Не мало историческихъ лицъ получило подъ перомъ откровеннаго ученаго совѣтъ новую оцѣнку—арх. Митяй, митроп. Ѳеодосій Бывальцевъ, Макарій съ Стеглавымъ соборомъ, преи. Максимъ Грекъ. Е. Е. историкъ независимый и вполне оригинальный. Не только его главный трудъ представляетъ самостоятельную переработку содержанія, по крайней мѣрѣ, половины науки, переработку, отмѣченную яркими слѣдами своеобразнаго таланта, но и во второстепенныхъ трудахъ своихъ онъ одинъ и тотъ же¹⁾.

Хотя Е. Е. былъ собственно историкъ и въ историческихъ изысканіяхъ исключительно заключается его сила и его зна-

¹⁾ Православная Богословская Энциклопедія, т. IV, ч. 1, стр. 504 и сл.

ченіе, тѣмъ не менѣе, онъ иногда выступалъ еще въ качествѣ публициста. Уже въ „Исторіи русской церкви“ есть публицистика ¹⁾, какъ замѣтилъ профессоръ П. И. Мальшевскій въ вышеуказанномъ отзывѣ объ „Исторіи русской церкви“, считая ее однимъ изъ достоинствъ этого труда.

Но собственно и всецѣло публицистомъ является Е. Е. въ своемъ сочиненіи „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами.“ Въ этомъ сочиненіи онъ настаиваетъ на томъ, что православные полемисты съ расколомъ должны совершенно, въ самой основѣ измѣнить полемику, что напрасно они усиленно ваются доказывать, что обряды Православной Церкви древнѣе обрядовъ, держимыхъ старообрядцами, такъ какъ это, не погрѣшая противъ научной истины, не всегда можно и доказать, что должно догматъ ставить на первый планъ, что должно исправлять слѣбую приверженность старообрядцевъ къ обряду и преувеличенный взглядъ на его важность, и содѣйствовать развитію у нихъ истиннаго христіанскаго вѣропониманія.

Далѣе чисто публицистическое содержаніе имѣетъ книжка Е. Е. „Къ вопросу о церковной реформѣ“, изъ которой выше приведено нѣсколько мыслей. Покойный Е. Е. одаренъ былъ не только выдающимся историческимъ талантомъ, но и сильнымъ практическимъ смысломъ ²⁾ и полемической ловкостью ³⁾.

И не считалъ бы свою задачу выполненною, если бы не сообщилъ нѣкоторыхъ чертъ нравственной личности покойнаго Е. Е., по скольку мнѣ то извѣстно.

Е. Е. былъ кабинетный ученый. Вся жизнь его была постоянный ученый трудъ. Но его собственнымъ словамъ, онъ

¹⁾ См. напр. „Исторію русской церкви“ т. 1. первая половина, стр. 301 и слѣд. особ. 307.

²⁾ На вопросы жизни Е. Е. обыкновенно смѣтрѣлъ прямо, съ точки зрѣнія практической примѣнимости и полезности. Вотъ почему онъ относился, напримѣръ, сочувственно къ сокращенію приходовъ, — мѣрѣ, приятной въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія для улучшенія быта духовенства и вскорѣ отмѣненной.

³⁾ Эту полемическую ловкость Е. Е. выказалъ въ полемикѣ, возгорѣвшейся въ 1893 году по поводу нѣкоторыхъ мыслей и положеній, высказанныхъ имъ въ монографіи о Преподобномъ Сергіи.

не любилъ въ своихъ ученыхъ работахъ оставлять какой-либо предметъ прежде, чѣмъ овладѣвалъ имъ, не любилъ не кончивъ одного переходить къ другому. При напряженной ученой работѣ ему приходилось работать, и сидя, и стоя, и лежа. Когда онъ давалъ себѣ отдыхъ, то любилъ гулять по окрестностямъ Посада, зимою на дыжахъ, иногда, какъ мнѣ говорили, съ ружьемъ.

Время ему было очень дорого. По этой причинѣ и по другимъ причинамъ онъ чрезвычайно рѣдко бывалъ въ обществѣ, собравшемся ради развлечения. Я отъ него самого слышалъ въ осьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтїя, что онъ только дважды былъ въ „большинхъ гостяхъ“, въ томъ числѣ однажды у профессора В. Д. Кудрявцева, когда тотъ въ концѣ 1861 или въ началѣ 1862 года прїѣхалъ изъ Петербурга, окончивъ чтеніе лекцій по философіи тогдашнему Настѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу, и созвалъ къ себѣ сотоварищей по Академіи, чтобы подѣлиться съ ними впечатлѣніями. Но Е. Е. отнюдь не былъ угрюмымъ, неразговорчивымъ человекомъ. Напротивъ, въ небольшомъ кругу товарищей въ профессорской комнатѣ въ Академіи онъ былъ очень разговорчивъ, весело острить, часто смѣялся раскатистымъ смѣхомъ. Не бывая въ гостяхъ самъ, онъ радушно принималъ у себя въ домѣ на Переславской улицѣ друзей, особенно ближайшихъ сотоварищей по специальности, приходившихъ къ нему сообщить свои планы и предположенія или попросить совѣтовъ и указаній. Радушно принималъ онъ и гостей иногородныхъ изъ знакомыхъ и сотоварищей, которые не опасали случая посѣтить его.

Выше замѣчено, что Е. Е. весело острить, иногда смѣялся раскатистымъ смѣхомъ. Но его остроты были обыкновенно безобидны. Нельзя сказать, чтобы онъ не произносилъ осужденія и не дѣлалъ неблагопріятныхъ отзывовъ. Объ одномъ изъ своихъ младшихъ сотоварищей онъ прямо отозвался такъ, что это—ярыга. Но этотъ отзывъ былъ, вопервыхъ, справедливъ, во вторыхъ, высказанъ незлобно. Е. Е. былъ врагъ злоствія и никому не причинялъ сознательно неспрїятности. Равно никогда не помнилъ зла. У него была младенчески чистая душа.

Самостоятельность есть одно изъ отличительныхъ свойствъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ Е. Е. Самостоятеленъ онъ былъ и въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, въ своемъ характерѣ У него всегда было свое сужденіе. Онъ не любилъ, чтобы его стѣсняли, не допускать, чтобы ему, что называется, наступали на ногу, и умѣлъ постоять за себя. Одинъ изъ ректоровъ Московской Духовной Академіи собралъ у себя на квартирѣ по какому-то поводу служащихъ въ Академіи. Когда кончилась серьезная часть собранія, Е. Е. хотѣлъ уйти и подошелъ къ ректору, чтобы принять напутственное благословеніе. Ректоръ хотѣлъ удержать Е. Е. и сказалъ: „я васъ не благословлю“. Е. Е. отвѣтилъ: „въ такомъ случаѣ я иду безъ благословенія“ и ушелъ.

Между тѣмъ въ обращеніи съ другими онъ былъ чрезвычайно простъ. У него никогда не было сколько нибудь горделиваго отношенія къ младшимъ товарищамъ. Онъ различалъ только людей по нравственнымъ ихъ качествамъ, и еще потому: много трудятся они или мало и только люди добрыхъ нравственныхъ качествъ и люди труда были его друзьями и собесѣдниками.

Присутствовать въ собраніяхъ Совѣта Академіи Е. Е. считалъ долгомъ и аккуратно ихъ посѣщалъ, хотя вообще былъ на нихъ довольно сдержанъ. Но весьма тяготился, особенно въ послѣдніе годы службы въ Академіи, должностью Члена Правленія и крайне былъ доволенъ, когда могъ быть замѣненъ другимъ лицомъ: даже вручить Ректору ключи отъ академическаго ящика прежде, чѣмъ преемникъ ему былъ назначенъ.

Рѣдко можно было встрѣтить Е. Е. за богослуженіемъ въ академическомъ храмѣ. Это зависѣло отъ того, что онъ вообще мало придавалъ значенія обрядности; притомъ онъ терпѣть не могъ оффиціальности, тѣмъ болѣе всего показного. Но онъ былъ вѣрующій и религіозный человѣкъ. Ниже будетъ сказано о пожертвованіяхъ его на поминъ души родителей: не сдѣлать бы онъ этихъ пожертвованій, если бы не былъ вѣрующимъ человѣкомъ и не придавалъ значенія церковной молитвѣ.

Е. Е. былъ очень скромнъ въ жизни и на себя издер-

жизнью весьма мало. Но онъ щедро благотворилъ, особенно своимъ маломущимъ родственникамъ. Онъ цѣнилъ чужую услугу и, когда, по выходѣ его въ отставку, бібліотекари Академіи разыскивали нужныя ему книги, онъ нерѣдко отдаривалъ ихъ за услугу своими изданіями.

Въ послѣдніе годы жизни Е. Е. были сдѣланы щедрія пожертвованія на разныя цѣли. Такъ въ 1908—1909 годахъ пожертвованъ былъ имъ билетъ 5% Внутренняго Займа 1000—рублевого достоинства въ Солнгалитское духовное училище, въ которомъ онъ учился, съ тѣмъ, чтобы капиталъ оставался неприкосновеннымъ, а проценты употреблялись на учебныя пособія. Также въ 1908—1909 годахъ имъ для фундаментальной бібліотеки Костромской духовной семинаріи, въ которой онъ получать среднее образованіе, приобретено книгъ по списку, доставленному семинаріей, всего на 1115 рублей. Въ 1909 году пожертвовано 1500 р. рентою въ село Матвѣево, Кологривскаго уѣзда, Костромской губ. (въ которомъ онъ родился) „двумъ священно-церковно-служительскимъ причтамъ, имѣющимъ поминать моихъ родителей и, въ частности, служить соборныя литургію и панихиду по нимъ въ день кончины моей матери—27 декабря“. Въ томъ же 1909 году пожертвовано въ село Горѣльцы того же уѣзда 3000 р. рентою „причту, имѣющему поминать моихъ родителей и, въ частности, служить по нимъ литургію и панихиду въ день кончины моего отца—5 марта“. Въ 1910—1911 годахъ пожертвовано въ означенное выше село Матвѣево 3000 рублей для учрежденія церковно-приходскаго Попечительства съ тѣмъ, чтобы проценты были употребляемы Попечительствомъ на подаваніе нищимъ и на вспоможеніе бѣднымъ и бѣдствующимъ жителямъ Матвѣевского прихода. Также въ 1910—1911 годахъ пожертвовано въ село Горѣльцы съ тою же цѣлію 3000 рубл.

Е. Е. былъ воистинну „благій и добрый рабъ“. Онъ не запалъ въ землю дарованныхъ ему Богомъ духовныхъ силъ, но приумножилъ ихъ неустаннымъ трудомъ и приобретенными богатствами охотно дѣлился съ другими, имѣя въ виду благо ихъ. Вѣчная ему память!

П. Цвѣтковъ.